

Конференция «Славяне и их соседи в многоконфессиональном мире»

В декабре 2019 г. в Институте славяноведения РАН прошла очередная, уже XIX, конференция памяти Владимира Дорофеевича Корольюка «Славяне и их соседи», традиционно организуемая отделом истории Средних веков. На этот раз ее тематика касалась межконфессиональных отношений в позднем Средневековье и раннем Новом времени. Регионы Европы, населенные славянами и соседними с ними народами, по сравнению с западной частью континента в XIV–XVII вв. характеризовались гораздо большим религиозным и конфессиональным разнообразием. Здесь присутствовало восточное и западное христианство, ереси и различные протестантские движения, иудаизм, а также постепенно растущий мусульманский элемент, опирающийся на государственную власть Османской империи. На конференции преимущественное внимание было уделено предпринимавшимся тогда попыткам выработать нормы сосуществования носителей различных вероучений в единых государственных системах, мировоззренческим основам и социальным практикам их взаимоотношений.

Вопрос о генезисе и судьбах организованных общин доашкеназской еврейской диаспоры на русских землях в домонгольский период был поднят в докладе *Б.Е. Раишковского* (ИВИ РАН). Археологические свидетельства о еврейской жизни в домонгольской Руси отсутствуют полностью, а летописные данные о существовании еврейского квартала в Киеве по меньшей мере дискуссионны. В докладе показано, что единственным возможным доказательством существования таких общин может быть только отражение в летописях сведений, связанных с различными религиозно-правовыми казусами, актуальными для авторов еврейских источников X–XII вв. Особое внимание было уделено локализации термина «Русь» (ивр. *Rusia'*) в представлениях еврейских авторов того времени.

Регулированию отношений между представителями разных народов и вероисповеданий в законах Венгерского королевства XI–XV вв. был посвящен доклад *А.М. Кузнецовой* (ИСл РАН). Их нормы касались и политики по христианизации исмаилитов и язычников-половцев, и попыток ограничить брачные контакты христиан с еврейским населением. Особое внимание в докладе уделялось регулированию отношений с представителями греческой церкви, отраженных в статутах Саболчского синода 1092 г., и уже гораздо подробнее — в законодательстве XV в. Докладчик обратила также внимание на свидетельства о «налоговых льготах» для православных беженцев из Сербии, благодаря которым венгерская власть рассчитывала привлечь ценных воинов и кавалеристов из этой страны.

А.А. Турилов (ИСл РАН) поставил вопрос о причинах малой популярности мучеников, пострадавших в раннеосманское время (начало — середина XVI в.): Иоанна Нового Серрского, Антония Супрасльского, Георгиев Нового и Новейшего и Николы Софийских. Их жития (за исключением жития Георгия Нового Софийского), несмотря на высокие литературные достоинства и несомненный пафос повествования, практически не переписывались (и сохранились, как правило, в единственном списке), не всем из них написаны службы и даже отдельные песнопения, почитание ограничивалось обычно одним городом (а то и приходом), греческие жития не переводились на славянский язык, а славянские на греческий. Причина этого, по мнению докладчика, лежит в сочетании ряда факторов — слабости в то время поствизантийской церковной организации, нежелании рядового населения в условиях относительно стабильной ситуации принимать мучения за веру и достаточно напряженных отношениях между славянским населением (включая церковный клир) и греческой иерархией.

Доклад *А.С. Добычины* (ИСл РАН) был посвящен отношениям еврейского населения с мусульманами и христианами в балканской «провинции» Османской империи XVI в. на примере трех

городов: Софии, Никополя и Видина. Именно в эти города на протяжении нескольких столетий стекались изгнанные и переселившиеся из самых разных европейских стран ашкенази и сефарды, образовавшие вместе с проживавшими здесь ранее евреями-романиотами значительные по численности еврейские общины. Европейские путешественники, следующие через эти земли (прежде всего, Софию) в Константинополь, зафиксировали не только значительную численность евреев, но и непривычный для европейца и узаконенный в Османской империи формат отношений «еврей-господин и раб-христианин». Детальное рассмотрение особенностей взаимодействия между евреями, мусульманами и христианами на конкретных примерах позволяет отойти как от шаблонного представления об угнетении евреев в Османской империи наряду с другими немусульманами, так и от парадигмы о «межконфессиональной утопии» и «золотом веке» евреев в империи, и сформировать более комплексное представление о реалиях той эпохи.

В докладе *Л.В. Луховицкого* (ИСл РАН) в фокусе внимания оказалось «Хронологическое изложение» — греческая хроника, созданная анонимным клириком Константинопольского патриархата в первой половине XVI в. и охватившая события поздневизантийской и ранней османской истории. На материале раздела Хроники, посвященного событиям после падения Константинополя, докладчик выделил три модели отношения к османам: в «апокалиптической» модели султан предстает как нечестивец и губитель христиан, в «агиографической» («ареталогической») — как философ на троне, а в «прагматической» — как своеобразный, но мудрый арбитр в спорах между различными группами влияния внутри Константинопольской церкви.

Д.Г. Полонский (ИСл РАН) рассмотрел основные этапы распространения миссии Францисканского ордена на территории средневековой Боснии и его положении при Османах. Докладчик сконцентрировал внимание на дипломатических и содержательных особенностях акта султана Мехмеда Фатиха — ахиднаме, выданного в 1463 г. местным францисканцам и гарантировавшего им свободу вероисповедания и самоуправления при условии содействия католических монахов возвращению в Боснию населения, массово бежавшего из страны от османских войск. Также в докладе была затронута тема отношений францисканцев с православными Боснии и Герцеговины: несмотря на упомянутые гарантии, не раз подтверждавшиеся османскими властями, в сфере налогового администрирования францисканцы были подчинены православной церкви. На протяжении XVI в., особенно после восстановления православной Печской патриархии в 1557 г., это приводило к острым конфликтам, свидетельства о которых исчезают только в последней четверти XVI — начале XVII в., когда начинается эпоха массовой исламизации региона.

Доклад *Д.И. Польшанного* из Ивановского госуниверситета был посвящён составу паломничества Элины Кантакузино к Святым местам. Отправной точкой доклада послужила пространная запись в Евангелии XV в. (Москва, ГИМ, Увар. 479), в которой помимо информации о паломничестве матери валахского господаря Шербана Кантакузино (1677–1688) Элины, предпринятого в 1682 г., содержатся сведения об именах и происхождении сопровождавшей её вооруженной охраны. Охватывая практически всю территорию европейских владений Османской империи, эти сведения создают впечатляющую картину мощи Блистательной порты накануне фатальной для неё битвы под Веной и взаимосвязях православных народов в конце XVII в.

И.Г. Воробьева (Тверской государственный ун-т) рассмотрела сочинение «Prolegomena к св. митрополии Дубровника» доминиканского монаха Серафима Мариа Червы (1686–1759). К XV в. католический Дубровник оказался в ближайшем соседстве с мусульманами (неверными) и православными (схизматиками). В трудах Червы имеются многочисленные свидетельства о деятельности католического духовенства по защите христианской веры в землях Боснии, Сербии и Болгарии, входивших в состав Османской империи. Особое внимание он уделял отношениям с православными, которым, как и мусульманам, нельзя было иметь собственность внутри городских стен и получать гражданство. Докладчик показала на многих примерах, что защита чистоты католической веры являлась реальной политикой дубровнического Сената.

Доклад *О.А. Акимовой* (ИСл РАН) был посвящен политическим идеям о судьбе Константинополя, которые высказывались в литературе северо-западных Балкан середины XVII — начала XVIII в. Победы над турками, вселявшие надежду на скорое падение Османской империи, вызвали интерес к возможному будущему политическому обустройству славянского мира, и прежде всего к поиску суверена, способного освободить его от турецкой зависимости и угрозы, а потом и обеспечить новое процветание. Такой интерес обнаруживается главным образом в литературных произведениях, созданных в Дубровницкой республике, в далматинских городах, находившихся под властью Венеции и Австро-Венгрии, на хорватских территориях.

Г.П. Мельников (ИСл РАН) посвятил доклад проблеме чешско-еврейских отношений в Праге в XVI в. Сосуществование в одном городе двух этнически, религиозно и социально различных общностей регулировалось как законодательной базой, так и более живой социальной практикой,

в которой имели место и конфронтация, и открытые конфликты, и элементы сотрудничества и социокультурного влияния. Для гетто вторая половина XVI в. стала апогеем культурного и экономического развития, что имело общеевропейское значение.

В докладе *Б.Н. Флори* (ИСЛ РАН) было показано, как события, происходившие в середине XVI в. во Франции, влияли на политическую борьбу вокруг созыва «*consilium nationale*» для решения религиозных конфликтов в Польше. Сначала политика Екатерины Медичи побудила польских государственных деятелей и конфессиональных лидеров добиваться созыва такого собора, но потом начавшиеся во Франции религиозные войны заставили польских политиков обратить внимание на иные способы разрешения межконфессиональных противоречий.

Доклад *Е.К. Шимак* (Белорусский государственный ун-т) был посвящен образу России, сложившемуся в Риме в результате контактов с Москвой в 1469–1582 гг. В условиях всевозрастающей угрозы нападения турок Римская курия была озабочена привлечением дополнительных сил к антитурецкой коалиции. В свою очередь, и Москва была заинтересована в дипломатическом посредничестве Курии. Докладчик показала, что образ Московии, который сложился в Риме, стал не только результатом посольских донесений папских легатов и заметок итальянских путешественников, но и «продуктом» продуманной, спланированной политики московских великих князей.

Т.А. Опарина (ИРИ РАН) попыталась обобщить сведения, полученные в первой половине XVII в. от иммигрантов из Османской империи и ее вассальных государств при пересечении границы России. Согласно специальному формуляру расспросов им надлежало рассказать о социальном статусе своей семьи, характере собственной деятельности на родине и мотивах миграции. Докладчик отметила, что в сохранившихся документах конфессиональная линия доминирует. Иммигранты выступали страдальцами за веру, гонимыми иноверными и инославными, а причиной их переселения стало жесткое давление на родине. Выезд в Россию в формулярах почти всегда изображался как спасение православия: «веры греческой природной». Описываемые ситуации полностью соотносятся с законодательством Османской империи. Так, возвращение в православие мусульман первого поколения каралось сожжением на костре; семьи православных, особенно после смерти главы рода, зачастую оказывались в долговой зависимости; на православных юношей распространялась система девширме. Но при этом размер миграции из Османской империи и ее вассальных государств был незначительным: не более 300 человек за первую половину XVII в. По мнению докладчика, это свидетельствует в пользу того, что основная часть православного населения в разной степени все же сумела адаптироваться к новым реалиям.

В докладе *М.А. Корзо* (ИФ РАН) проанализированы две модели формирования конфессиональной идентичности в многоконфессиональном окружении: польских реформатов и православных. Докладчик показала, что в первом случае конфессия формировалась с нуля как результат синтеза разных традиций: безусловное доминирование лютеранских влияний сменилось у польских реформатов в 60-е годы XVI в. влияниями представителей швейцарской реформации, а также Общины «чешских братьев». При этом знакомство реформатов с текстами Жана Кальвина не оказало значительного влияния на их вероучительные сочинения. В случае же с православными мы имеем дело с трансформацией уже существовавшей идентичности и со складыванием новой, которая формировалась в процессе восприятия чужих или внешних по отношению к православию текстов, богословских идей и понятий (в конце XVI в. протестантских, со второй трети XVII в. — католических).

К.Ю. Ерусалимский (РГГУ) остановился на восприятии московских походов польского короля Стефана Батория в текстах, вышедших из-под пера представителей московской эмиграции в Речи Посполитой. *А.М. Шницрт* (МГУ) предпринял попытку рассмотреть отношения евреев и христиан в Речи Посполитой в правовой и юридической сфере. В отличие от немецких земель, где статус еврейского меньшинства определялся особым правом (*ius singulare*), конфликты евреев и христиан в Польше регулировались так называемым земским правом (*ius terrestre*). В докладе показаны общая для христиан и евреев система поведения, включая случаи взаимного насилия, юридические практики, а также некоторые региональные особенности еврейско-христианских отношений.

Субъективным моделям межконфессиональных взаимоотношений представителей православной общественности Речи Посполитой в конце XVI — начале XVII в. был посвящен доклад *О.Б. Неменского* (ИСЛ РАН). В период резкого усиления религиозного противостояния в связи с контрреформационной политикой католической власти и заключением Брестской церковной унии 1596 г. определилось два основных кружка деятелей православного сопротивления — северный (с центром в Вильне) и южный (с центром во Львове и потом в Киеве). Докладчик на основе текстов раннего периода противостояния (до 1610 г.) выявил своеобразные особенности двух линий полемики, придя к выводу об их принципиальном расхождении именно в отстаиваемых моделях межконфессиональных отношений.

Доклад *К.С. Коноплянко* (ИСл РАН) был посвящен анализу анабаптистской доктрины и ее восприятия польскими и литовскими антитринитариями во второй половине 1560-х годов. Докладчик продемонстрировал последовательную и религиозно обоснованную связь между анабаптистским учением о таинстве крещения и непротивленческой социально-этической концепцией (предполагающей отрицание некоторых социальных порядков, личного имущества, институтов зависимости и т.д.) в вероучении моравской анабаптистской общины. Это вероучение проникло в Польское королевство и Великое княжество Литовское благодаря Петру из Гонендза и отразилось в некоторых сочинениях антитринитариев, не отличающихся по идейному посылу от моравского образца. Однако утверждение анабаптизма на синодах встретило неоднозначную реакцию: большинство приняло учение о крещении, но не готово было принять стоящие за ним социально-этические требования.

К.А. Кочегаров (ИСл РАН) остановился на политике России в отношении смоленских католиков во второй половине 1680-х — начале 1690-х годов. После заключения договора 1686 г. Россия дала разрешение на строительство в Смоленске неофициального молельного дома для католиков, который вскоре стал центром иезуитской миссии в городе. В начале 1690-х годов иезуитское подворье было закрыто по распоряжению властей, а политика в отношении католиков, по свидетельству литовского дипломата Иосифа Лядинского, ужесточилась. Однако русские документы показывают, что давление на католиков не носило систематического характера и было обусловлено скорее субъективными причинами (сведение счетов между представителями смоленской шляхты, произвол смоленского воеводы И. Головина). В пользу этого свидетельствует и то обстоятельство, что влиятельная католическая община просуществовала в городе как минимум до 1730-х годов.

Доклады, зачитанные на конференции, касались не только самой истории Средневековья и раннего Нового времени, но и ее изучения в XIX и XX в. *В.Н. Кухаренко* (Белорусский государственный ун-т) остановилась на концепциях происхождения Боснийской церкви. Ее изучение приняло вести от 1867 г., когда практически одновременно выступили с публикациями серб Божидар Петранович и хорват Франьо Рачки. Петранович стал во главе так называемой православной концепции ее происхождения, а Рачки сформировал концепцию дуалистического, еретического характера боснийских «крстьян». Третью популярнейшую концепцию, зародившуюся позже первых двух, называют «католической», так как она выводит происхождение Боснийской церкви от «ecclesiae bosnensis».

М.Ю. Ломоносов (Тюменский государственный ун-т) посвятил свой доклад формированию националистического «косовского мифа» о событиях 1389 г. и его восприятию в русской интеллектуальной среде на рубеже XIX и XX в. Докладчик рассмотрел вопрос, как этот «миф» проникал в отечественную идеологическую риторику, постепенно превращаясь в часть местного националистического дискурса, и приобретал национально-освободительную антиосманскую, антигерманскую и, наконец, антиалбанскую окраску. В российском обществе он оказался востребован панславистами, славянофилами и державниками разных идеологических направлений — консерваторами, либералами, социалистами. В сопоставлении с Сербией сравнительно большая стремительность внедрения в России национально-освободительной риторики в разноречивые нарративы о Косовской битве было вызвано не только тем, что в России существовало меньше политических преград для выражения идей о национальном освобождении южного славянства, но и высоким трансформационным потенциалом самого косовского мифа.

Большинство докладов конференции вызывали со стороны коллег вопросы, не раз провоцировавшие активные дискуссии. Сложный комплекс переплетения этнической и конфессиональной идентичности в истории славян и других народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, правовые и социально-политические аспекты истории взаимоотношений различных этноконфессиональных групп — та проблемная сфера, которая в последнее время привлекает все большее внимание исследователей.

© 2020 г. *О.Б. Немецкий*
nemenski@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0008675-5